

5. Философия. – М.: Гардарики, 2002. с.46 – 50.
6. История античной диалектики. – М.: Мысль, 1972, с.137
7. Цит. по Фролов З.Д. Факел Прометея. – Л.: ЛГУ, 1991. с.155. См. также в несколько ином переводе в кн.: Платон. Избранные диалоги. – М.: Художеств. Лит, 1965, с.60.
8. Там же, сс.155 – 156.
9. Аристофан. Том.1. Комедии. – М.: искусство, 1983, с.150.
10. Платон. Избранные диалоги ..., с.99.
11. История философии. Т.1 ... , 1941, с.118.
12. Таранов П.С. Анатомия мудрости. 106 философов. Т.1 – Симферополь: Таврия, 1995, с.195.
13. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979, с. 375.
14. Указ. соч. ... сс.138 – 139.
15. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1976. Т.2 с.252 – 253.
16. Диоген Лаэртский ...с.375.
17. Эзоп. Басни. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001, с.79.
18. Там же, сс.74 75.
19. Диоген Лаэртский ... с.247.
20. Фролов З.Д. ...сс.157 – 158.
21. Еврипид. Том 2. Трагедии. – М.: Искусство, 1980, сс.531 – 533.
22. Фролов З.Д. ... с.159. По словам А.Ф.Лосева, в отличие от интуитивной философии ранней классики, в относимой к средней классике философии софистов характеризует дискурсия (использование аргументов, доводов, тяготеющих к строгим понятиям), но дискурсия, проявившая себя в отрицательной форме... «такая исключительная дискурсия, очевидно, разрушала цельную картину мира и вносила черты некоторого релятивизма». Примером же «положительной дискусии» стали сократические беседы. (Лосев А.Ф. История античной диалектики. – М.: Мысль, 1989, с.59.
23. Платон. Избранные диалоги. – М.: Художеств. лит., 1963, с.102.
24. Там же, сс.90 – 91.
25. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1.. – М., 1990, с.388.
26. Платон. Диалоги. – М., 1986, с.416. Показательно, что при этом Сократ добавляет: «То, что я ... говорю (в беседе – Ю.Б), это отзвуки речей мудреца Продика», или, иначе говоря, не плоды лишь его личных размышлений. Продик – представитель старших софистов. О более поздних софистах см. в: А.С.Мельникова. Социальный статус софиста в «Жизнеописании софистов «Флавия Филострата. – В кн.: исследования и публикации по истории античного мира. – Санкт-Петербург, 2002.
27. Платон. Избранные диалоги. С.53-54.
28. В частности, в «Истории философии в кратком изложении под ред. И.Богута отмечается, что определенная уничижительная и презрительная «умеренно презрительная») окраска термина «софист», видимо, идет именно от Аристотеля. – Указ. соч. – М.: Мысль, 1994, с.123.
29. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978, с.586
30. Там же, с.535.
31. См., например, «История философии», т.1 (М.. 1941), с.120.
32. Аристотель. Там же, с.544
33. Цит. по: таранов П.С. Указ. соч., с.155.

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, профессор
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

ФИЛОСОФИЯ КАК ПОТОК СОЗНАНИЯ И ДВИЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Сегодня в Казахстане вузовская философия изучается в целом скорее как история философии, а не предмет,

сгруппированный вокруг определенных узловых проблем. В этом есть и свои плюсы, и свои минусы. Обсуж-

дение их – тема особого разговора. Мне же здесь хотелось бы остановиться именно на учебных и собственно исследовательских аспектах историко-философской грани комплекса философских дисциплин. Эта грань имеет существенное значение как в теоретическом, так и сугубо практическом отношении, связанном с методикой преподавания предмета.

К сожалению, нынешняя тяга к повальной тестизации и погоня за количеством тестов приводят к тому, что даже на ПГК мы встречаем явно спорные тестовые задания. В целом же такого рода «слабости» встречаются еще чаще. Причем нередко они колют из одной подборки тестовых заданий – в другую. Довольно типичный пример – вопросы, требующие ответа на то, кто конкретно сказал, например, что не следует делать другому того, чего не желал бы себе. И незадача тут даже не в том, что избыток требуемых для запоминания цитат и изречений может только отвлечь от искреннего желания учиться. Проблема гораздо глубже. Во-первых, дело в том, что есть идеи, подвижные как облака, и даже там, где авторство вроде бы установлено, имя автора – скорее своего рода «колышек» для привязки сказанного, чем отражение реального движения потока человеческой мысли. Ну, нужны нам авторитетные имена – и все тут! Потому-то мало сказать, что следует уважать и слушаться родителей, надо еще и упомянуть того, кто бы учил такому – скажем, Господа в заповедях Моисеевых. Когда же Господа отстраняют от столь авторитетной роли, то появляется потребность в его замене, что забавно демонстрируют полшутливые стихи:

Над забором вишенка.

Не могу накушаться.

Деда Ленин говорил:

«Надо маму слушаться».

И уж совсем не шутливый рассказ, где Ленин, чтобы побудить ребя-

тишек с большим энтузиазмом относиться к своим завтракам, обедам и ужинам, придумывает общество чистых тарелок.

Что касается собственно священных текстов, то они и в самом деле требовали на протяжении столетий (и продолжают требовать сейчас) максимально точного запоминания. А вот с текстами нравственно-философскими дело обстоит сложнее. Имена здесь нередко так же условны, как и названия иных блюд или коктейлей, например: «Секс на пляже». Более того, и это уже, во-вторых, при знакомстве, даже самом поверхностном, с историей человеческой мысли подчас важнее всего дать ощутить эту историю, как единый поток, а не музей и еще хуже, склад речений и жаргавельных «умностей».

Как ни покажется странным, но, несмотря на обилие блестящих историко-философских работ, в принципе доступных и отечественному студенту, такую историю философии – как историю единого потока, единого целого, а не блоков либо прекрасных самих по себе фрагментов смальты, так и не сложившихся пока еще в целостное мозаичное панно, пожалуй, еще только предстоит создать. Размышляя так, я имею ввиду именно систему, вырастающую не из индивидуальных либо групповых познаний тех или иных, пусть даже и глубоко эрудированных авторов, а из своеобразной компьютерной базы данных, которая позволяла бы проследить с куда большей объемностью взаимопротекания и взаимоотталкивания идей, образов, крылатых выражений и афоризмов... , а также с большей, чем ныне рельефностью выявить пульсацию тех или иных философских проблем. Только в этом случае мы могли бы по праву говорить о появлении собственно **мировой** истории философии, а не **коллекции** философий отдельных стран, регионов или направлений.

Но поскольку создание именно такого рода истории философии – дело коллективное (причем таких коллективов, которые включали бы в себя помимо прочих и высококлассных логиков и программистов), здесь мы с вами ограничимся лишь несколькими иллюстрациями проблемы. Иллюстрациями, основанными на истории античной философии, ибо, представляется, именно здесь, особенно до Платона перед нами во всей наглядности проступают потоки имен, фрагментов некогда целостных философских трудов, речений, образов и идей.

Начнем с самого простого – с двух всемирно известных положений, которые в памяти человечества оказались крепко связанными с двумя конкретными именами. Первое: «Познай самого себя», неотделимое от образа Сократа [1], и второе; «Самое страшное из всех зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как пока мы существуем, смерть еще отсутствует, когда же она приходит, мы уже не существуем» [2].

Знаменитое «Познай самого себя» особенно удобно, как зримый пример философии-потока именно в силу достаточной изученности. Так, еще в «Истории античной диалектики», вышедшей в СССР в начале 70-х, было выпукло показано, что нам скорее известен двоящийся образ Сократа в версиях его страстных поклонников Ксенофонта и Платона, нежели Сократ, как собственно историческая личность, явившая миру определенные философские идеи. [3]

Но откуда взялось и каким образом вошло над горизонтами философской мысли это самое: «Познай самого себя»? В одной из очень добротных, но жестко идеологизированных советских работ времен сороковых так говорилось об этом: «Сомнение («я знаю, что ничего не знаю») должно было, по учению Сократа, привести к самопознанию «познай са-

мого себя». Только таким, индивидуалистическим, путем учил он, можно прийти к пониманию справедливости, права, закона, благочестия, добра и зла. Материалисты, изучая природу, пришли к отрицанию божественного разума в мире, софисты подвергли сомнению и осмеяли все прежние взгляды, – необходимо поэтому, согласно Сократу, обращаться к познанию самого себя, человеческого духа и в нем найти основу религии и морали. Таким образом, основной вопрос философии Сократ разрешает как идеалист; первичным для него является дух, сознание, природа же – это нечто вторичное и даже несущественное, не стоящее внимания философа. Сомнение служило Сократу предпосылкой для обращения к собственному Я и субъективному духу, от которого дальнейший путь вел к объективному духу – к божественному разуму. Идеалистическая этика Сократа перерастает в теологию». [4]

Здесь пока не место вступать в полемику относительно справедливости процитированного. В свете очерченной в названии статьи задачи в данном случае существенно стремление рассмотреть девиз Сократа во взаимосвязи с иными философскими исканиями. Сам по себе, если только избавиться от штампов и заранее начерченных жестких схем, такой подход, безусловно, плодотворен. Но остается еще один каверзный вопрос: «А Сократ ли автор знаменитого девиза?»

Оказывается – нет. В широко доступном учебном пособии А.Г.Спиркина прямо сказано: «Сократ возвел в философский принцип знаменитое изречение дельфийского оракула: «Познай самого себя!» [5]

Но и оракул – не первоисточник. В популярной и при этом исследовательской работе Ф.Х.Кессиди говорится: «Познай самого себя» – это изречение или формула мудрости, приписываемая одному из семи муд-

рецов (обычно Хилону или Фалесу) была начертана среди других аналогичных изречений и заповедей («Ничего слишком», «Заручился – разорился») на фронтоне Дельфийского храма)...» Правда, при этом добавлено: «... не случайно: ни один из мыслителей античного мира, кроме Сократа, не сделал установку на самопознание основной частью своего учения и руководящим принципом всей своей деятельности». [6]

Итак, заслуга Сократа здесь видится не в чеканной формулировке афоризма, а в его использовании, в качестве основополагающего жизненного принципа. Вероятный же, и то – лишь вероятный источник высказывания – в речениях лакедемонянина Хилона либо даже первого из семи мудрецов – Фалеса. Считается, что на вопрос: «Что трудно?» Фалес ответил: «Познать самого себя», а на вопрос: «Что легко?» - «Давать советы другим». (Сравните с русской поговоркой: «Чужую беду руками разведу. А своей и ладу не дам»).

Присовокупим к упомянутому и ответы Фалеса на такие вопросы, как «что быстрее всего?» (ум, он обегает все), «что всего мудрее?» (время, ибо оно открывает все») [7] - увидим, что речь, по сути дела, идет о древней и анонимной народной мудрости, видимо, прикрепленной со временем к известным именам.

Что же касается собственно самопознания, то эта проблема выделась заковыристой далеко не только Сократу, причем в самые разные времена, наглядный пример чему стихи брызжущего парадоксами французского поэта 15-го века Франсуа Вийона «Баллада примет», завершающиеся строками:

*Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю Смерть, что рыщет все
губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю все, но только не себя.* [8]

Таким образом, уже первое, хрестоматийное положение являет собой весьма удобный учебный пример, наглядно демонстрирующий, по крайней мере, три аспекта философии, как целостного в своей основе потока сознания. Во-первых, мы видим, что взятое само по себе это положение являет скорее не плод размышлений конкретного мыслителя, а своего рода эстафетную палочку, в беге человеческой мысли, начатом в незапамятные времена. Во-вторых, проблема самопознания с той или иной остротой встает перед любым философом и ученым, как составляющая более широкого круга гносеологических проблем. Ведь по сути своей, самопознание помимо всего прочего – это еще и попытка анализа того инструмента, с которым мы все начинаем познание мира в целом. И это, не говоря уже о сугубо практической, житейской значимости самопознания. И, в-третьих, проблемы гносеологии, которые, как только что было сказано, неизбежно включают и проблемы самопознания, проступают на первый план научно-философских и нравственных изысканий с определенной периодичностью. Видимо, наиболее явным этот феномен оказывается в периоды социальных катаклизмов, духовных и научных революций, когда смена ценностей требует и усиленных поисков новых ориентиров, а значит и пересмотра того познавательного инструментария, тех «аксиом», которые в иные, более спокойные времена воспринимались, как нечто само собой разумеющееся.

История второго положения, которое принято связывать, прежде всего, с именем Эпикура, еще драматичнее. По крайней мере, она далеко не хрестоматийна. Так, известный швейцарский ученый Андре Боннар в своем блестящем по языку и насыщенности мыслью и фактами исследовании посвящает Эпикуру целую главу «Эпикур и спасение людей». Вот

как живописует воззрения Эпикура и их всемирно-историческую роль этот исследователь: по Эпикуру, «нет никакой необходимости в богах для объяснения мира. И именно человеком, им одним, объясняется цивилизация...

... нужно питать доверие к человеку, а не призывать богов. Главное – в том, чтобы перестать бояться богов, потому что этот страх парализует нас и сводит с ума. Доверие к нам, людям, к нашей мудрости, скромней, но надежней. Если страх богов будет рассеян, вселенная предстанет без тайн и без ужаса.

Остается страх смерти, более подавляющий, чем что-нибудь другое. Смерть ничто для нас, совершенно точно – ничто. У нас не должно быть о ней иного представления, кроме как о простом увядании. Частицы нашего существа, нашего сознания бытия разлагаются так же, как приходит к разложению все сложное. Но это явление совершенно естественное. И, кроме того, когда оно происходит, нас уже более нет здесь, мы не можем этого осознать.

В решительном выводе, который Эпикур делает в одном из сохранившихся его писем (к Менекею), он показывает, что смерть ничто для нас. «...Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем». Таким образом, у нас никогда ... нет соприкосновения с ней. Наши волнения и наши ужасы перед ней так же смешны, как страхи и волнения ребенка перед воображаемым букой». После смерти люди так же нечувствительны, как и до рождения (точнее, зачатия). «Мы грустим о том, что не жили столетие тому назад? Так почему же грустить, что мы не будем существовать через столетие?» [9]

Сосредоточимся на цитате из Эпикура. Уж тут-то, казалось бы, все ясно. Атомист, последователь Демокрита, подвел человечество к потря-

сающему выводу: конкретные люди никогда не имеют дело со смертью, ибо пока они живы, смерти для них нет, а когда, составляющие их атомы распадаются, то и ощущений нет.

Но, стоп! А первым ли отчеканил Эпикур столь успокоительную мысль? И только ли материалисты либо те, кого мы привыкли так называть, готовы были согласиться с этой мыслью, либо даже высказать ее ... еще до Эпикура? – Судите сами. В платоновском диалоге «Аксиох» Сократ говорит: «Я слышал от Продика, что смерть не имеет никакого отношения ни к живым, ни к умершим ... к живым она никак не относится, а умершие уже не существуют. Таким образом, сейчас она к тебе не имеет отношения, поскольку ты жив, да и если что претерпишь, она тоже тебя не коснется, ведь тебя тогда не будет. Итак, печаль твоя тщетна, ведь она относится к тому, чего нет и не будет... Ведь страх перед чем-то свойствен тем, кто жив; как может он быть присущ тем, кого нет?» [10]

Но Эпикур жил, как полагают в 341 и- 270 гг. до н.э. Сократ был казнен семидесятилетним в 399 г. до н.э. И даже, если предположить, что, приведенные здесь рассуждения принадлежат самому Платону, вложившему их для вящей авторитетности в уста Сократа, то и Платон жил раньше Эпикура – в 428-347 гг. до н.э.

Однако в рассуждениях Сократа упомянут еще и Продик. Это – софист, «младший современник Протагора» [11], родившийся около 470 – 460 гг. до н.э. Именно его Сократ называл, как своего учителя. [12] Согласно традиции, Продик высказывал о богах суждения, которые сегодня мы могли бы отнести к протоатеистическим: «Солнце, луну, реки, источники и, вообще, все, что полезно для нашей жизни, древние признали богами вследствие получаемой от них пользы, подобно тому, как египтяне обого-

творили Нил»; по этой же причине хлеб был признан Деметрой, вино – Дионисом, воды – Посейдоном, огонь – Гефестом и вообще каждая из употреблявшихся на пользу людям вещей (были подобным образом обоготворены). [13] Старший же по отношению к Продику и самый известный из софистов Протагор, тот самый, кто отчеканил: «Человек есть мера всех вещей» был прямо обвинен в атеизме, а его книгу «О богах» публично сожгли, самого же его приговорили к казни, но затем, «смиловившись», изгнали из Афин. И, хотя, как утверждает крылатое изречение именитого автора уже 20-го века, «рукописи не горят», от Протагора, как и от автора 300 сочинений – Эпикура, сохранилось немного. Мы знаем только (или полагаем, что знаем?), что Протагор писал: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду. Ибо многое препятствует знать (это): и неясность (вопроса); и краткость человеческой жизни». [14] Протагор же считается учеником, самого Демокрита, чья философская материалистическая «линия», согласно учебному советскому варианту марксизма-ленинизма, противостояла идеалистической «линии» Платона, знаменитейшего ученика Сократа..

Но, судя по тому, что известно, сами древние таких жестких разделительных линий, по крайней мере, в их более позднем понимании, еще не очерчивали. Тот же Сократ, не смущаясь, именуется, как мы видели, софиста Продика своим учителем. Продик же – представитель одного направления с Протагором, учеником Демокрита, идеи которого развивал позже и Эпикур, так, что, вполне вероятно, что почти текстуальное совпадение рассуждений платоновского Сократа и собственно Эпикура отнюдь не случайно.

Правда, само обоснование мысли о том, что нечего страшиться смерти у Сократа базируется на иных, нежели у Эпикура, представлениях о скрытых пружинах мироздания и человеческой душе. Душа человека, по Сократу, - не просто временная, как и тело, комбинация своеобразных атомов: «Мы – это душа, бессмертное существо, запертое в подверженном гибели узилище». [15]

В другом платоновском диалоге, «Федон», Сократ в своих рассуждениях накануне казни, развертывает перед слушателями свое суждение о вечности душ. Правда, тут он сталкивается с серьезным и, видимо, достаточно известным к тому времени возражением одного из участников этой беседы: «... то, что ты говоришь о душе, вызывает у людей большие сомнения. Они опасаются, что, расставшись с телом, душа уже нигде больше не существует. Разумеется, если бы душа действительно могла где-то собраться сама по себе и, вдобавок, избавленная от всех зол, которые ты только что перечислил, это было бы, Сократ, источником великой и прекрасной надежды, что слова твои – истина». [16]

Сократ же, в ответ приводит следующие рассуждения. Есть древнее учение о том, что души умерших должны побывать в Аиде. Потом же души вновь возвращаются сюда. Так ли это? – А почему бы и нет? Ведь мы знаем, что сильное, поначалу бывает более слабым и наоборот, тем самым, очевидно, что сильное возникает из слабого, и, наоборот. И так во всем. Поскольку же все мы знаем о превращении живого в мертвое, постольку совершенно логично предположить, что и мертвое в свою очередь рождает живое, подобно тому, как всякое явление порождает собственную противоположность. Из этого следует вывод: «Значит, мы согласны ... в том, что живущие возникли из мертвых ничуть не иначе, чем

мертвые из живых. Но, если так, мы уже располагаем достаточным, на мой взгляд, доказательством, что души умерших должны существовать в таком месте, откуда они вновь возвращаются к жизни...»

Более того, «если бы возникающие противоположности не уравновешивали бы постоянно одна другую, словно описывая круг, если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало бы вспять, в противоположную сторону, ... все, в конце концов, приняло бы один и тот же вид, приобрело одни и те же свойства, и возникновение прекратилось бы»». [17]

Тут можно было бы заметить, что в рассуждениях, так напоминающих собственной диалектикой даосские, Сократ, по сути дела, исходя из материалистической, в данном случае, идеи о возможности появления живого из неживого, приходит к выводу, который сам по себе из этой идеи не следует: выводу о своеобразном круговороте душ в природе. Не логичнее ли допустить, рассуждая таким образом, что и души, распадаясь, как стеклышки в калейдоскопе, то есть, утрачивая жизненность, затем вновь обретают определенную форму – жизнь?

Но эта формальная логичность натывается на реальную проблему психических и интеллектуальных основ человеческой личности, проблеме, в решении которой и сегодня нашей вооруженной блестящими технологиями науке далеко не все представляется ясным. Так что же тогда говорить о времени Сократа? Проблема была и тогда, и решать ее приходилось лишь с помощью наблюдений и рассуждений, основанных на аналогиях, вырастающих из этих наблюдений.

Но и это не все. Замыкаясь на логичности, мы можем упустить главное: то, что рассуждения Платонов-

ского Сократа – не детище праздного досуга, а плод упорной мысли человека, который мог бы выбрать спасение бегством, но предпочел не нарушать закон. Это – рассуждения перед казнью, которую философ должен был совершить собственными руками. С точки зрения блистательнейших древних авторов, здесь – кульминация философской мысли, наиболее явное проявление ее предназначения. Не даром Цицерон, который и сам, спустя столетия после Сократа, должен был умереть не своей смертью, писал, словно готовясь к встрече с судьбой: «Философствовать – это приуготовлять себя к смерти». [18]

На самом деле, это, столь распространенное в древности видение назначения философии не столь мрачно, как могло бы показаться на первый взгляд. Быть готовым к уходу из жизни, к спокойному отказу от благ, богатств, неги и, прежде всего, к насильственной смерти в условиях социальных бурь, в мире, столь часто отравляемом своеволием тиранов и слепой яростью толп, по сути дела, означает гимн жизни, но жизни не пресмыкающегося, пусть даже двуногого, а человека, способного оставаться таковым до своей самой последней минуты. В этом великий, но полный глубочайшего смысла парадокс древней (и далеко не только) мысли: лишь тот, кто не цепляется за жизнь, за преходящие блага (которые при этом совсем не обязательно и отметить), может жить по настоящему свободно, не сгибаясь каждодневно под ношею страхов и ожиданием тех или иных лишений и потерь.

Конечно, к данному выводу отнюдь не сводятся философские искания древних. Но вывод этот – один из тех, который позволяет нам ощущать философию, как целостный поток сознания и движений человеческой души. Поток, не уместающийся в водоразделах привычных учебных «измов» и, увы, все более утра-

чивающий свою целостность в глазах сегодняшних студентов, засасываемых нынешней системой образования, все чаще ориентирующейся на детали, фрагменты, а не попытки проследить логику разворачивания как человеческой мысли, так и завораживающе разнообразных явлений окружающего нас мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. История философии. Т.1. – М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1941, с.138.
2. Цит. по: Таранов П.С. Анатомия мудрости. 106 философов. – Симферополь: Таврия, 1995, С.308 – 309.
3. История диалектики. \ М.А.Дынник ... В.В.Соколов. – М.: мысль, 1972, С.142 – 166.
4. История философии... 1941, там же.
5. Спиркин А.Г. Философия. – М.: Гардарики, 2002. с.51.
6. Кессиди Ф.Х. Сократ. – М.: Мысль, 1988, с.99.
7. Таранов П.С. Указ. соч., с.36.
8. Франсуа Вийон. Лирика. – М.: Художественная литература, 19861, с.134.
9. Боннар Андре. Греческая цивилизация. От Еврипида до Александрии. – М.: Искусство. – 1992, С.376 – 378.
10. Платон. Диалоги. -М.: Мысль, 1986. с. 419.
11. Словарь античности. -М.: Прогресс, 1989, с.462.
12. Спиркин А.Г. Указ. соч., с.49.
13. Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1969., Т.1, с.319.
14. Там же, с.318.
15. Платон. Диалоги ... с. 415.
16. Платон. Избранные диалоги. – М.: Художественная литература, 1969, С.343-344.
17. Там же, С.344-347.
18. Цит. по: Таранов П.С. Указ соч., с.344.

Досмухамедов А.К., магистрант

Магистратура Университета международного бизнеса

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАЗАХСТАНА

Глава государства Нурсултан Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Рост благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики» обозначил магистральные приоритеты развития республики на среднесрочный период [1].

По сути, Послание Президента представляет идеологию процветания Казахстана, которая образует собой систему стимулов, направленную в первую очередь, на формирование условий для опережающего роста по всем параметрам развития. Тем самым концепция международной конкурентоспособности Казахстана нацелена на придание дополнительного импульса для стремительного прорыва нашей страны в мировое высокотехнологичное пространство.

Необходимо четкое понимание того, что сегодня динамично развивающийся мир и глобализация предоставляют много новых «прорывных» возможностей и в то же время немало вызовов и угроз [2]. Между тем глобальная конкуренция представляет собой соперничество инновационных идей, которые при минимуме затрат дают максимальный эффект в виде экономической прибыли. Поэтому на первый план выдвигается задача развития инновационной деятельности во многих сферах общественной жизни: экономике, образовании, социальном обеспечении, здравоохранении, а также инфраструктуре.

В значительной степени теория глобальной конкуренции стала актуализироваться в свете изменения